

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ БЕЛОРУССИИ

Владимир Шаронов
(г. Гомель, Белоруссия)

СОНЕТЫ

Шаронов Владимир родился в городе Богородске Горьковской области (ныне Нижегородской) в 1952 году. В настоящее время живет и работает в городе Гомеле, в Республике Беларусь. Имеет 9 авторских сборников, один из которых издан в Канаде. Стихи издавались во многих коллективных сборниках гомельским издательством ОДО «Барк», в нескольких российских сборниках Новокузнецкого издательства «Союз писателей», в журналах «Северо-Муйские огни», «Современная литература мира» и др. Лауреат 10-го Международного литературного фестиваля «Под небом Рязанским» (2013). Дипломант международных литконкурсов. Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы» (Беларусь). Является членом Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

1. СУМЕРКИ

Сереет амбразура одинокого окна,
Едва бросает слабый свет на старенькую мебель,
Роняет отблески огня свечи горящий стебель,
Громადной желтой лампой светит за окном луна.

Есть сладость в сумерках сидеть до полного темна,
Ей-богу, нам порою может быть дороже темень:
Волнения души улягутся, как в косах гребень,
А темнота, мой друг, одарит сонмом чувств сполна.

Так хочется в тиши побыть наедине с собою,
А суету сует покинуть словно поле боя,
И насладиться этим «дезертирством» в темноте.

С приходом сумерек найдет опять печали благость,
И в небывалой, как ни странно, сердца простоте
Я помолюсь Христу и обрету в душе вновь Радость.

2. ЛЮБОВЬ ВСЕ ПОКРЫВАЕТ

Куме Варваре

Не исчезает, как ни странно, без следа
Все то, что делаем мы в мире этом:
В твоей же Книге Жизни Ангел Света
Творимое добро запишет навсегда.

Внесет с ехидною улыбкою в гроссбух
Дела твои все злые Ангел Мрака.
Но что такое: где же чувство страха
И почему же твой так безмятежен дух?! —

Зри: в Книге Жизни добрых дел нет грамм и ста,
А вот другая книга очень уж толста!
Но Ангел Тьмы напрасно зубы скалит:

Коль сердце Божьею любовью полно,
Оно от злого мира будет спасено.
Ведь Бог — Любовь: Любовь все покрывает!

3. НАША ЖИЗНЬ

Насте Игнатенко

Живем ли правильною жизнью мы, мой милый друг —
В водовороте суеты всегда и в спешке?
А времени свободного — едва тележка,
Его нам не хватает, оглянуться чтоб вокруг

И увидеть, как чуден мир — творенье Божьих рук.
Остановись, красу его познай, не мешкай!
Ведь ты же человек — не винтик, и не пешка —
Созданье Божье ты, совсем не обезьяний внук!

Глянь, как животные по лугу ходят вольно!
От созерцанья той идиллии не больно ль,
Что мы свободу потеряли и теперь рабы

Страстей, условностей — рабы уже не Божьи.
О, если мы изменим жизнь свою... и что же?
Изменим ли? У нас всегда так: если б, да кабы!

4. О НАС

М. И. Дейчик

Мы размышляем ли о том, что жизнь не вечна?
А разве это не волнует нас совсем?
Работаем не покладая рук — зачем?
И труд не тщетен ли, коль время быстротечно?

Но, может, стоит жить легко нам и беспечно,
А все условности долой — и нет проблем!
И нет забот и вечно умных также тем,
Вокруг которых часто спорим бесконечно.

А мы своими ли творим судьбу руками,
Наивно думая: всего добились сами
(О том, что надо всеми — Бог, совсем забыв)? —

Ведь, если не нужна Небес для нас подсказка,
Неверный жизни получается мотив.
А мысль, что мы без Бога — все, всего лишь сказка!

5. ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

В. Г. Кругликову

Когда волнения души улягутся как волны,
Реальность бытия и суету заменит нам покой,
Уста печаль и скорбь сомкнут, да так, что не разжать рукой,
Где силы взять, чтоб дальше жить, коль Небеса безмолвны?

Любой из нас с горячим сердцем и страстями полным,
И с долей безрассудства попадет когда в «сюжет» такой,
Конечно же по воле Свыше все, потоки слез рекой
Отчаянно польются. И раскаяния стоны

Вдруг сердце, жизнь свою пересмотрев всю от и до, издаст
И ужаснется, что жилó как всякий, кто во что горазд.
Как к Чистому Истоку все ж ему опять вернуться?

Так в жизни с каждым рано или поздно, но произойдет.
О, если только нет, то жизни той напрасен был полет:
Резон ли жить, чтоб мимо Высшей цели промахнуться?..

Татьяна Фурсова
(г. Брест, Белоруссия)

Родилась в 1958 году в пригороде города Бреста в Белоруссии. Печаталась в периодике, в журнале «Гаспадыня», в коллективных сборниках «Карусель», альманахе «Своя стихия», «Фантазии серебряного облака», «Созвездие любви», антологии «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»: 1994–2009 гг.». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

ПРИЧАЩАЮСЬ ЛЮБОВЬЮ...

Я сжигала мосты, умирала и вновь воскресала...
Я бросалась в Любовь, будто в омут: стремглав, с головой...
И по лезвию жизни так часто без смысла шагала.
Храм души постигала, нередко была как изгой.
Я теряла мечты среди людского безумного стада,
Зажигалась звездой и чуть теплилась жизнью душа...
Я пыталась постигнуть оскал ежедневного ада,
Что зовется Судьбой, только кто-то все время мешал.
Я стремилась понять и покой, и земное блаженство,
С журавлиною стаей объять седину облаков...
Я не в Жизни, а в Смерти искала порой Совершенство.
Тайны Времени щедро дарили морщины и... кров.
Я под маской шута изнывала от бренности быта,
И на шелке травы я слезой вышивала узор.
А коварностью фраз так нещадно бывала избита,
И писала стихи, отдавая Судьбы приговор.
Я тушила угли изможденной душою босою,
Золотой листопад отсыпал мне дешевую медь.
Уяснила одно: все земное не нужно — пустое!
Уравниет Любовь и Надежды обычная Смерть...
Ни вчерашний обман, ни стальные объятья печали
Не пробьют больше брешь в моей прочной сердечной броне.
«Отсекаю всю боль», безрассудство слепыми ночами.
Мудрость зрелости таинством Вечности видится мне.
Не жалейте меня в мой закат и обманчивый вечер.
Бесприютность души утолит только Вечность одна.
В чистом храме Души зажигаю я трепетно свечи,
Причащаюсь Любовью, которой испито до дна...

ПРОКЛЮНУЛАСЬ ГРУСТЬ

Проклюнулась грусть между крыльев рассвета,
Смешалась с малиновой кромкой зари.
И меж паутинками бабьего лета
В росу превратились ее пузыри.
Росинки застряли, блестя, как алмазы.
Воздушен и легок пока горизонт.
Но Осень рассыплет дождливые стразы,
Заставит людей забираться под зонт.
А песня любви ведь еще не допета,
Срываю ее, как листву ветерок.
Вернись, настоящее жаркое лето!
Но бабье застряло, увы, между строк...

ВСТРЕЧАЯ РАССВЕТ...

За окошком рассвет шевельнет мандариновой далью,
Желтокрылой пичугой вздохнет, шевельнув облака.
Обернутся кусты поднебесной туманной вуалью.
Тихой капелькой грусти скользнет по травинке роса.
Завороженно я созерцаю земную невинность,
И дневной суетой не спешит меня ветер обнять.
Отправляюсь рутинную вновь выполнять я повинность,
Да по капельке сердца другим все тепло отдавать.
Вы простите меня, непорочные юные весны!
Ведь любовью такой наградил, будто манной, Господь.
Что любовь — это жизнь, поняла я отчаянно поздно,
Когда счастье свое получилось бедой распороть...
Снова солнце вращается блистательным лучиком в душу.
Отступают невзгоды, как мрачная злобная ночь.
День развеет тоску и всю боль, что безжалостно сушит.
Улыбнется в кровати скользющему «зайчику» дочь...
За окошком рассвет мое сердце опять будоражит,
И вздохнут свежим ветром, рассыпавшись в прах, облака...
Я любила тебя, но, надеюсь, любовь не обяжет.
Только грустью звенеть задушевная станет строка...

РАЗМЕЧТАЛАСЬ ДЕВОЙ ОСЕНЬ...

У осин и старых сосен с потускневшим изумрудом
Размечталась девой Осень, ивой плачется над прудом.
У багряных листьев вены дождь без передыху лупит.
Будет утро непременно, завтра новый день наступит,
За туманной тихой далью скрыто небо голубое.
Мир, наполненный печалью, увенчают счастьем двое.

ЧАРЫ ЛЮБВИ

Лунный нектар опьянил нас, но очень давно.
В огненной страсти смешались закаты, рассветы.

Властью чарующих, лаской отмеренных снов
Было заполнено наше волшебное лето.
Миг торопился полней и насыщенной быть.
Доли секунды делились на дробные части.
Мы не скупилась друг друга душой разделить,
И показалось на миг: искупаемся в счастье.
Бились в едином порыве и наши сердца.
Магия ночи достигла земного предела.
Мы порывались всю Вечность испить до конца,
Чары любви раздирали и душу, и тело...
Раем казался уют для мятущихся душ.
Кутаясь в Тьму, мы достигли Небесного Света.
Плыл аромат от цветущих до одури груш...
Нас провожала Любовь в наступившее лето.
Снова рассвет через годы зовет за собой,
Снова подлунное зелье готово пролиться...
Выцвели страсти, избита бывалая любовь...
Нынешним летом уже ничего не случится.
Лунные грезы уже не зовут, не пьянят,
Брошены под ноги чары и мистика страсти.
Жизнь нам по каплям вливала неверия яд,
Чтобы разбить наше хрупкое, нежное счастье...

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

*(Ассоциация на картину Юлии Сдобновой
"Вечернее городское настроение")*

Растворился в окне гордый твой силуэт.
Дождь промоины в сердце впечатал.
А ночник, как свеча, льет мерцающий свет
На домов незаконные пятна.
Где-то там, вдалеке, за слепым фонарем,
Две фигуры в молочном тумане...
Он, Она... И пока еще даже вдвоем.
Только время придет — Он обманет.
Не надейся на белых ромашек букет
И стихи, бережущие душу...
Будет день — и наступит промозглый рассвет...
Тот, что счастье бездушно разрушит...
А пока... Пусть змеится прозрачный хрусталь
Ледящих окошко дождинок...
Ночь, возьми мое сердце! Я стану, как сталь,—
Королевою Снежной из льдинок...

Леонид Волков
(г. Полоцк, Белоруссия)

ВETERАНЫ

Ветераны, утрите слезы,
Улыбнитесь в день славной Победы.
Много лет как закончились грозы,
Ваши семьи затронули беды.

Вы прошли сквозь свинец и пламя,
В вашей памяти боль и атаки.
Честь спасли, долг Отчизны и знамя,
На груди вашей доблести знаки.

Вам сегодня почет и слава,
И для вас мы поем эти песни.
За спиной и Берлин, и Варшава,
Подвиг ваш будет в памяти вечно.

ОФИЦЕРСКИЕ ЖЕНЫ

Есть профессия в мире такая —
Офицерской быть верной женой.
Мужу в службе она помогает,
Терпеливо ждет мужа домой.

Измеряет длину перегонов
Километрами долгих дорог.
Двери тесных купейных вагонов
Для нее как родимый порог.

Офицерские жены добром снаряжены
И умеют любить нас и ждать.
Офицерские жены, офицерские жены,
Учат родину-мать защищать.

У жены офицера закалка —
Нормы все превышает вдвойне.
И на уровне высшем смекалка,
Интуиция, как на войне.

После долгой томящей разлуки,
Может мужа с любовью обнять.
Пусть волнуются нежные руки,
Эти чувства не трудно понять.

НАШИ МАТЕРИ И ЖЕНЫ

Сколько выпало на долю
Наших жен и матерей!
К полю битвы, брани полю
Провожали сыновей.

Слезы молча вытирали
И махали вслед рукой.
К небу руки простирали,
К Богу с просьбами — рекой.

Наши мамы, наши жены
Помогали нам в боях.
По земле, войной сожженной,
Шли с победой на руках.

Верность и любовь хранили,
Веру в сердце берегли,
И войну похоронили —
Все сумели, все смогли.

Голод страшный и разруха
Не сломили наших мам.
Смерть, костлявая старуха,
Молча шлялась по домам.

И для многих век стал вдовый —
Все смогли перенести.
С болью строили мир новый
С правом счастье обрести.

О ВОЙНЕ МЫ НЕ СКАЖЕМ НИ СЛОВА

Тихо вздрогнули мамины веки,
Слезы в синих глазах заблестели,
Наполняя иссохшие реки,
Счастье с радостью вместе влетели.

Руки нежные сына обняли,
Приголубили мягкие губы,
Под иконой лампы сияли,
Сын старался казаться не грубым.

«Мама,— сын прошептал,— здравствуй, мама,
Привела в дом родная дорога.

Ты, как прежде, все так же упряма,
Дождалась, я опять у порога.

Не сутулься, ведь ты молодая,
И слезинки утри — в доме радость.
Завтра свадьба у вас золотая,
Мы помянем отца, купим сладость.

И ограду поправим, и крестик,
В изголовье посадим тюльпаны,
Ближе в ноги — ромашки-невесты,
А поминки — обед будет званый...»

«Свадьба свадьбой, сынок, но ответь мне:
Уцелеть на войне — это редкость?
Градом пули, свинца круговерть,
Проверяется мужества зрелость?»

«Успокойся, моя дорогая,
Повторяю я снова и снова.
Завтра свадьба у вас золотая,
О войне мы не скажем ни слова».

ОТЧИЗНА

Хранила память грозную войну,
Цвели весной отжившие руины.
Из пепла поднимали мы страну
От северных морей до Украины.

Работали и не жалели сил
На Родине великого Всеслава,
И у страны никто не попросил
Ни орденов, ни почестей, ни славы.

Отчизна, матушка, благословенна Русь,
Ты с каждым годом все милей и краше,
И не к лицу тебе сегодня грусть,
Святыня, доброта, ты гордость наша.

Детей своих лелеешь, словно мать,
И для друзей распахнуты объятия.
Тебя готов, родную, обнимать.
Ты мой покой, и ты мое распятье.

Я поделюсь с тобою тем, что есть.
Ты тоже для меня на все готова,
Мне подвигов твоих не перечеть,
Горжусь тобой, я повторяю снова.

БОГАТЫРИ ПОБЕДЫ

Писал боец на Родину письмо.
О жизни, о любви, о том, как выжить.
Который бой с утра?
Уже восьмой,
И танки землю начали утюжить.

Солдат свернул бумажную мечту,
Оставил рядом с бомбовой воронкой.
Убьют, подумал, письмецо прочтут,
Домой пошлют с проклятой похоронкой.

А танки шли крестовою ордой,
Стреляли залпом с башенных орудий.
Солдат сказал: «Куда ты прешь? Постой!
Ты не пройдешь такой огромной грудой».

И пушку броневой зарядил,
Послал снаряд в грохочущую гушу.
Взрыв танка, очень сильный, разбудил
Березовую трепетную пушу.

Стрелял боец. Он Родину любил.
На поле боя сгрудились «пантеры».
Солдат в бою неравном победил.
Богатыри Победы — гренадеры.

Олег Зайцев
(г. Минск, Белоруссия)

Родился в 1968 году. Закончил факультет журналистики Белорусского государственного университета и полугодовые литературные курсы при том же факультете. Председатель Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Главный редактор газеты «Слово писателя». Автор четырех книг поэзии, книги литературной критики и литературоведения «Авторский знак», участник более тридцати коллективных сборников, антологий, альманахов. Лауреат международных литературных премий имени Молодой Гвардии, имени Симеона Полоцкого, имени Михаила Матусовского, Н. С. Лескова «Левша» (журнала «Приокские зори»), фестиваля «Славянские традиции». Специальным решением Президиума Международной Федерации русскоязычных писателей награжден орденом «Культурное наследие» (2016). Действительный член Крымской литературной академии.

* * *

Я полночи люблюсь полотном,
Разбрызганные звезды, будто кляксы,
Вселенную поставили вверх дном
И силуэты «вымазали ваксой».

Плывет, как недоеденный сырок,
И задевает тучи месяц старый...
Не помню кто, но помню что изрек:
Мол, загремим однажды под фанфары.

Мне не хватает меди в кулаке,
Чтоб и сыграть, и заплатить за чистку —
Лицом торговли в утреннем ларьке
Мелькает жизнь, бросая мелочь в миску.

И я сгребаю сдачу из окна,
Протянутую мне далеким миром.
И вновь осиротевшая луна
Поманит молча вверх, к астральным мирам.

Я запрокину голову, и вдруг
Мне подмигнет созвездье Скорпиона,
Чтоб дать понять: у каждого есть друг,
Что бдит с тобой, а не зевает сонно.

Связала нас космическая даль,
В уме моем твой образ изваяла,
И я, запомнив каждую деталь,
Ныряю с головой под одеяло.

* * *

Смог бы краю изменить родному? —
Сам себе я вторю невпопад:
Здесь и солнце светит по-иному,
По-иному листья шелестят.

Здесь за убегаящей тропинкой
Вдаль меня манящею легко,
Небо озаряет яркой льдинкой,
Словно машет-машет мне рукой.

Здесь в глаза бездонные озера
Молча и доверчиво глядят,
Ночь осенняя крадется слишком скоро,
Затеня выверенность дат.

И неуловимый запах дыма
От зажженных где-то вдруг костров...
Ты мила мне, Родина, любима,
За тебя я жизнь отдать готов.

* * *

Если негодяи — в патриотах,
Значит, близко всем нам до сумы,
Ведь у них всегда одна забота:
Правильно ли дышим с вами мы?

Нагло прикрываясь синеокой
И торгуя ею, как цыган,
Все распродадут, потом хоть охай,
Ахай хоть, растаскан чистоган.

Распирает зоб от возмущенья,
Печень разъедает желчи яд,
А душа алкает лишь отмщенья,
Тело прямиком толкая в ад.

Я, служа в Туркмении, взаправду
В снах мечтал о милой стороне,
Видя право здесь, а не браваду
Лжи, что не привидится во сне.

Не хвататься за котомку чтобы,
Стен тюремных сор не собирать,
Бдите, земляки, глядите в оба
И готовьте непокорных рать.

* * *

У судьбы моей дни-виражи
Колесницей, с подскоком, несутся,
Только правду мне наворожи,
Чтоб, ожегшись, не дул я на блюдца.
Чтобы воду, как загнанный конь,
Не хлестал и, не чувствуя брода,
Не стремился ослабить супонь
С тридцать третьего ли оборота.
Норовя напроказить опять,
Ржал, чужие сжимая коленки,
Но хотелось ли искренне спать
Или просто трепаться на сленге,
Не уверен, а значит не прав
И не лев, но сжимая удила,
Увозил королеву, собрав
Все улики, что жизнь наследила.
Мчусь вперед, мир сминая вокруг,
Куролешу, и снова не спится
Мне, вознице, боюсь, чтобы вдруг
Не рассталась со мной колесница.

* * *

Колоний в достатке: снуем между делом
И тащим на дачу, и пыжимся — в дом,
И молимся не о душе, но над телом,
А старость нагрянет — пришествия ждем.

Вчерашнему времени рады, как сказке,
Салат оливье заменяет уют,
И принципы снова меняем на маски,
Боясь, что за правду и вправду убьют.

Как пчелы, все в соты таскаем пожитки,
Этаж на шестой или может седьмой,
Оправдываясь: убеждения жидки,
А Бог промолчит, он, похоже, немой.

И он промолчит, только годы судачат,
События выпадут, но невпопад:
Жилье обокрали, обуглилась дача,
Разбито авто, а в висках — снегопад.

Когда же причалит ладья, и Харона
Послышится возглас, охватит хандра,
Что вновь не успел дотянуться до трона
И перекреститься не вспомнил вчера.

* * *

Вперед, за скомканной бумажкой,
Искать и рифму, и размер.
Не уличайте в доли тяжелой
Поэта, он — миллионер.

Его замашки не подвластны
Ни патриарху, ни царю,
Ведь мир всегда настолько разный,
Что не подгонишь к алтарю.

И к трону тоже не приладить,
Лишь рифме поддается он:
А строфы, будто на параде,
Весь глобус кажут из окон.

Дерзая мыслью по бумаге,
Переворачивая лист,
К поэзии, как будто к фляге,
Приник поэт: к трубе — горнист.

Звучит проникновенно, тонко,
Призывно каждая строка,
Как глас рожденного ребенка,
Как хрип предсмертный старика.

Но сложно изменить натуру,
И автор, стих вкусив, как мед,
Вдруг миллионную купюру
Опять в своих строках найдет.

* * *

Мне что-то шепчет ветер по утрам,
И колыбельной на закате шорох,
Что в шуме этом: эхо чьих-то драм
Или людских надежд нещадный морок?

Маячат, словно ветка впереди,
Стучат по крыше — раненая птица, —
И сердце разрывается в груди,
И разум не желает подчиниться.

Но вслушиваясь в стрекоты цикад,
Но вглядываясь в меркнувшие блики,
Я уношусь мгновенно вдаль за МКАД,
Я покидаю город многоликий.

Блуждаю мыслью там, где воспарил
Эфир, где он опять рождает звуки,
Где мне как будто кто-то пару крыл
Приделал, где созвездия упруги.

Пружинят эхом призрачную мглу,
Рождая сонм шумов и междометий,
Фантазии мои опять в углу
Забились, словно чьи-то птицы в клетки.

* * *

К 25-ЛЕТИЮ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Не знали мы, что призрачную смерть
Бывает, убивая безвозвратно,
И всасывает земли круговерть,
Что радиации покрыли «пятна».

От рака щитовидной железы,
От всех других, с ней связанных болезней,
Десятки тысяч умерли. Грозы
Не пережив той ранней, страшной, бесьей.

Что измеряют зиверт, грэй и рад
Наш белорус прочувствовал всем телом,
Но этому не оказался рад
Чернобылец, что в ад бросался смело.

Десятки, даже сотни Херосим
Рванули рядом с городишком Припять,
И до сих пор огонь неугасим,
И чашу горя до сих пор не выпить...

Преследовали стронций, цезий, йод,
Безмолвно, методично убивая,
И слезы не одна семья прольет,
Узнав, что есть в тылу передовая.

Лес омертвел, река, земля и луг,
Страдают люди, звери, рыбы, птицы,
Хочу я крикнуть, что есть мочи, вслух:
«Чернобыль пусть вовек не повторится!».

* * *

Отмеряв жизни тоненький лоскут,
Примерив все победы, неудачи,
Всевышнему я бытие свое на суд
Представлю. Только небо не заплачет.

А громко зарыдает в три ручья,
И, тучами гонимый, как скитальцы,
Вновь всматриваться буду: доля чья
Намотана на роковые пальцы?

Все прошлое суконным полотном
Накроет с головой, и будет сниться,

Что где-то позабыл в краю родном
Мечты, что променял на чьи-то лица.

Мелькают взгляды, вереницы глаз,
Рождая монологи и тирады,
Но меркнет свет, закат уже погас,
И небеса приبلудному не рады.

Трещит по швам и разрывает ткань
Судеб людских, как вызревшие почки,
Ты, небо, сильно грешного не рань,
Заплатой станут пусть мои отсрочки.

* * *

Прервав завесу ранних снов,
Ворвался и узнал причину:
Ты осквернила наш альков,
Чужого приведя мужчину.

Металась птицей по углам
Ты и заламывала пальцы,
Но ревность с болью пополам
Во мне бродили, как скитальцы.

Свои кусала губы в кровь,
И нервно дергалась ресница,
Казалось, мне не прекословь —
И заново бы смог влюбиться.

Суровый, дерзкий диалог
Накрыл обоих, как цунами:
Ужели был тебе я плох,
Померкли чувства между нами?

Ужели ты в своей душе
Мне больше не отыщешь места?..
Он был с тобою неглиже,
А ты была моя невеста.

«Не верю, нет, не лги, да ну!
Кто изменил мне хоть однажды...».
В твоих слезах топлюсь, тону,
Хоть туш сыграй, и тушь размажь ты.

* * *

Сжимается время шагреновой кожей,
И тонет в пространстве небес календарь.
Дела и поступки сжимаются тоже,
И то, что сегодня, не то же, что встарь.

Хули циферблат и откручивай стрелки,
Но дважды в тот самый поток не войти.
Мечты обмельчали, и мысли так мелки,
Что с ними — осознанно не по пути.

Бегущее время следы замечает,
Как в поле пороша, морочит мой взор.
Но жизни глотков все равно не хватает,
Чтоб ровным судьбы получился узор.

А кожа одна, и сроднились к тому же:
Куда надеваться от этих времен —
Спираль бытия ужимая потуже,
Постигнуть спешу то, в чем был неумен.

«В уме ли? в уме ли?» — звучит беспрестанно,
Как звук камертона, как эхо струны...
Жизнь проковывает, прошествует странно
И выйдет, по-тихому, с той стороны.

* * *

Скуп, не скуп, а отдал я немало
Не себе — другим.
И ладонь купюр не зажимала
Скрягой городским.

И когда выпытывали други:
В чем твой интерес?
Только молча разводил я руки
«Нет!» — наотрез.

И пока завистники шептали,
Мол, не просто так,
Я дарил подарки и медали,
Деньги, как пустяк.

Помогал тому печатным словом,
Кто талант имел.
Нес, как мог, не злобу и не зло вам,—
Зерна без плевел.

Раздавая душу по крупичкам,
Сердце по частям,
Часто сам не успевал напиться,
Отдых дать костям.

«От добра...», — я слышал не однажды,
Впрочем, и не жду.
Перед Богом сам ответит каждый,
Кто плодит вражду.

Наталия Литвинова
(г. Полоцк, Белоруссия)

Наталия Литвинова родилась в 1957 в Полоцке. Закончила Минский педагогический институт. Печаталась в журналах «Полоцкий летописец» и «Западная Двина», в альманахе «Катарсизм» (2000), в антологии «Полоцкий альбом» (2004), в сборнике «Город любви и надежд» (2012). Финалист Международного конкурса литературы и культуры «Славянские традиции — 2012» (в номинациях «Поэзия» и «Малая проза»). Член РОО Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Автор книги стихов «Аромат орхидеи» (в рукописи).

* * *

А мне плевать на роскошь городскую,
На ртутный свет неоновых реклам,
На ресторанный блеск, на муть людскую,
Разряженную в иностранный хлам.
Дороже мне грустить в часы заката
Над озером, под шум стрекозых крыльев,
Среди свечных огарков белых лилий,
Над гладью вод от солнца полосатой,
Когда туман ночной фиалкой дышит
И в розовой воде китайским шелком вышит
Тростник изломанный,
Как древний иероглиф.

ТАЙНА ГЛАЗ

Белою лилией в темной воде
Твой лучезарный лик.
В доме и в дыме, и в храме — везде —
Омуты глаз твоих.
Взгляд благодатный мгновенно вонзил
В сердце мое кинжал.
Болью и радостью преобразил,
Тысячью дивных жал.
Это глаза православных икон,
Болью стомленные.
Это Да Винчиевых мадонн
Очи бездонные.
С Иверской эти глаза глядят

И с рафаэлевской.
 Это Венеры брюлловской взгляд
 И боттичеллевской.
 Это глаза Магдалины — святой
 И тициановской.
 Ясные очи крестьянки простой
 Венециановской.
 Это чарующие глаза
 Яростно-смуглой Кармен.
 Это мерцающие образа
 В недрах церковных стен.
 Это Троянской Елены взгляд
 Неотразимых очей.
 Ради таких опускался в ад
 Дивноголосый Орфей.
 Пушкин про эти глаза вспоминал
 Болдинской осенью.
 Врубель мятежный их живописал
 Грозною просинью.
 Эти глаза над Арбатом парят
 И над Тверской-Ямской.
 Ты — Незнакомка, чей звездный взгляд
 Видели Блок и Крамской.
 ...Быть менестрелем прекрасных очей,
 Данте твоим навек,
 Оруженосцем блаженных мечей
 В ножнах лилейных век,
 Звездным певцом неземных Аэлит,
 Рыцарем на часах!..
 — Что это?
 — То, что меня роднит
 С ангелом в небесах.

АКРОСТИХ

Ивану Переверзину

Полынным ароматом горьковатым тревожно-душно тянет из окна.
 Есенинским пронзительным закатом пылает осень, чувственно-грешна.
 Разбойник-ветер рвет листву хмельную, кружит октябрь в неистовом бреду.
 Единственную, дивную, шальную в лесной сторожке исступленно жду.
 Войдет — и, словно древнее заклятье, затянет в омут, перстнями блестя,
 Едва сползет лазоревое платье, шелками беспокойно шелестя.
 Развесилась цыганскими кистями рябины спелой ягодная шаль.
 Загадочными тайными страстями расцвечена темнеющая даль.
 И ночь скользит запретною дорожкой, и поцелуй неотвратимо жгуч.
 Над плечиком серебряной сережкой пленительно играет поздний луч.
 И время на часах остановилось... Люблю... Люблю... — в беспамятстве шепчу.
 Вновь жизнь моя в трех соснах заблудилась. Я выбраться хочу!.. Иль не хочу?
 Ах, убежать бы от льняной сорочки, сорвавшись прочь с корсетного крючка!..
 Но мир огромный снова сжат до точки, до черной бездны женского зрачка.

АКРОСТИХ

Юрию Коноплянникову

«Когда машины едут задом-наперед,
О чем тут думать? — это явно знаки свыше!» —
Непритязательный актерский анекдот
Очарователен, как ласточка на крыше.
Петляет осень в переделкинских садах,
Летит листок — коричневато-рыж и ломок.
Ярчайший юмор дивно царствует в штрихах
Ночных бесед, кулис, гримерок, киносъебок.
Но случай с россыпью пощечин — о-го-го!..
И тараканы в бурой лужице портвейна!..
Конечно, это не Ремарк и не Гюго,
О, безусловно, это вам не Гейне.
Ведь это — шутка! —
Улыбается, шалит,
Юлит капризною насмешливой девчонкой,
Резвится весело, иронией сорит,
Искрит кокетливо коротенькой
Юбчонкой!

АКРОСТИХ

Олегу Федорову

Фазы лихие эпохи и жизни...
Екнуло сердце в предчувствии странном.
День в окровавленной сирой отчизне.
Осень в поклоне скорбит покаянном.
Рыжей рябиновой гроздью кивая,
Осень печальным поет бандуристом.
Выдох и вдох... Остановка трамвая.
Угол бульвара с мороженым льдистым.
Осень грустит. Сохнут губы от жажды.
Ливень сквозь солнце! — чудесное средство.
Если б часы поломались однажды
Где-то
У станции с вывеской «Детство».

АКРОСТИХ

Ольге Сванберг

Опускается пурпур заката в тишину Царкосельских аллей.
Льдистой тенью трепещет крылато улетающий клин журавлей.
Грусть и нежность... Красавица-осень привела меня снова сюда,
Алым бархатом выстелив просинь на сиреновом шелке пруда.
Сквозь мелодии вальсов забытых слышен времени вкрадчивый гул.
В пышных зарослях, золотом шитых, зыбкий пушкинский профиль
мелькнул.
Акварельно-таинственный кокон тлеет розовой дымкой вдали.
На ветру вьется тоненький локон темно-русых волос Натали...
Бирюзовую нитью зарница очертила небесный излом.
Еле-еле туман серебрится над заветным лицейским окном.
Роскошь осени. Грусть увяданья. Вечер. Пушкин. Прозрачность пруда.
Горечь чудного очарованья!.. Неразрывно. Со мной. Навсегда.

Петр Магер

(г. Новополоцк, Белоруссия)

Родился 24 августа 1951г. в городе Полоцке. Окончил в первом выпуске Новополоцкую музыкальную школу и Новополоцкое музыкальное училище. Два года отработал преподавателем по классу баяна, аккордеона в музыкальной школе. В 1981 году окончил Минский педагогический институт им. Максима Горького. В 2013 году, проработав 40 лет в Полоцком колледже УОВГУ имени П. М. Машерова преподавателем музыки и пения, ушел на пенсию. Продолжает писать стихи, печататься. С февраля 2014 года состоит в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь». Автор двух книг поэзии, участник пяти коллективных сборников.

КОРАБЛИ

Корабли уходят от причала —
Манит их к себе простор морей,
А матросы по земле скучают,
По любимой Родине своей.

Ждет их там знакомая березка,
Шелестят листвою тополя,
Тихий сад, знакомая дорожка
Мама в белой кофте у плетня.

Девушка, что в море провожала,
Обещала помнить и скучать.
Корабли уходят от причала
Зная, что их дома будут ждать.

РОЖДЕНИЕ ШЕДЕВРА

Творец, работой увлеченный,
И день, и ночь творить готов,
Святой, на муки обреченный
Посланник, ставленник богов.

Душа его орлом парила,
Металась птицей над холстом,
Небесной музыкой звучала
И сокрушалась, словно гром.

Марш Мендельсона — гимн венчальный,
Победный звон колоколов,
Венец трудов — аккорд финальный —
Еще один шедевр готов!

ЕСЕНИНСКАЯ РУСЬ

Озябший клен застыл, как сторож у дороги,
Лишь купола церквей плывут, лаская взор,
Да месяц-скоморох, шербатый и убогий,
Льет жидкий свет с небес на мокнувший простор.

Грустны картины увядающей природы,
Как поздней осени прощальный поцелуй.
Резвится ветер злой — предвестник непогоды,
Колючий дождь и снег — с погодой не балуй.

Влачится путник-богомolec запоздалый,
Верша своей судьбы нелегкий приговор.
Лишь звон колоколов в нем теплит дух усталый,
Надежду обрести себя, судьбе в укор.

С полей к стогам поближе перебрались мыши,
Лозовые кусты толпятся у ручья,
Убогих деревень соломенные крыши,
В осеннем небе крик истошный воронья.

Но даже в нищете видна святая сила,
Она, как снег полей, лучиста и чиста.
Есенинской строкой обласкана Россия.
Святая Русь — наследница Христа.

НА ИЮЛЬСКОМ ПИРУ

Засветилась дивным светом
Липа барышне под стать,
Заневестилась цветом,
Пчел на ней не сосчитать.

Собрала гостей на свадьбу —
Музыкантов целый рой.
Пир горой на всю усадьбу!
Шмель куражится хмельной.

Заиграл на контрабасе,
Осы-скрипки не молчат.
Мошкара кружится в вальсе —
Сладкой жизни каждый рад.

Угощает всех невеста,
Даром подает нектар.
Всем гостям хватает места,
Веселитесь млад и стар!

В СОФИЙСКОМ СОБОРЕ

Стоит назло лихим ветрам
Святой Софии светлый храм,
Глядит как страж по сторонам,
Возносит веру к небесам,
Взирая на земной бедлам,
Врачует души грешным нам.

Горит свеча, звучит орган
И льется дивный фимиам.
Внимает музыке душа,
И в рай небесный не спеша,
Свой почитая древний храм,
Вкушает музыки бальзам.

Идет, как прежде, в храм народ,
Навстречу к святости идет.
Освобождая от обид,
Святая музыка звучит.
Преодолевая боль и страх,
Вселяет веру в души Бах.

ПРИЯТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

С детства помню запах мяты,
Шелест звезд над головой,
Те рассветы и закаты,
Что дарил мне край родной.
Помню ватные туманы,
Всплески рыбы на реке,
Вкус свободы пьяный, пьяный,
Крики чаек вдалеке.
Росы словно аметисты,
Скарб нехитрый в рюкзаке,
Костерок, что сыплет искры,
След зверюшек на песке.
Помню плавные движенья
В лодке, с удочкой в руке,
Ощущая наслажденье,—
Дремлет взгляд на поплавке.
Чайки балуют с волною,
Васильки горят во ржи.
Ловят мошек над водою
Истребители-стрижи.

Сон недолгий, без подушки —
Им нельзя не дорожить.
Нет, не верю я кукушке —
Буду долго, долго жить!

ДОРОГА К ХРАМУ

У каждого своя дорога к храму,
И каждый должен сам ее пройти.
Кто к власти рвется, всех с пути сметая,
Кто к славе, страх и боль преодолая,
А к Богу не бежим, а ковыляем,
Ища успокоения в пути.

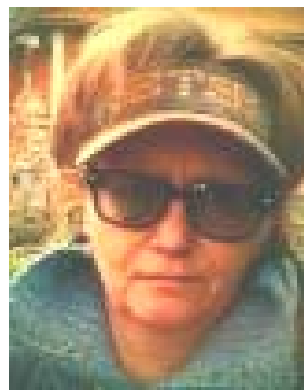
В мирских заботах время быстротечно,
Лишь в храме не приемлют суеты.
Ведь жизнь — что капля в море человечьем,
Всего лишь миг, летящий в бесконечность.
Остановись, подумай, странник встречный,
А к храму ли дорогу выбрал ты?

СТАРОМУ ДРУГУ

В чехле со сломанным замком
Грустит мой друг баян.
Не раз за праздничным столом
Он веселил славян.
Всегда он был в работе рьян,
Со мною вместе пел.
Мой старый верный друг баян
И нежен был, и смел.
Служил исправно много лет,
В мир песен увлекал,
Не раз встречал со мной рассвет —
Теперь, как я, — устал.
Без песни жизнь совсем не та —
Заботы достают,
Одолевает суета,
Не радует уют.
Всему на свете есть предел.
Грустит баян — и я.
Седьмой десяток подоспел,
Состарились друзья.
Зря не пропал наш скромный труд,
Поет славянский люд.
Жива славянская душа,—
Традиции живут.

Марго Волкова
(г. Минск, Белоруссия)

Марго Волкова (Маргарита Богданович). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 2015 года, финалист Международного литературного форума «Славянская Лира-2015». Публиковалась в ряде коллективных сборников. Закончила Белорусский политехнический институт.

НАСТОЯЩИЕ ПИСЬМА

Напиши мне письмо. Я прошу, как и тысячи женщин:
По старинке, по правде, на милом листке из тетрадки,
Прорывая бумагу с досадой на сеточке трещин,
Сокрушаясь, что почерк не тот, да и мысли не гладки.

Разменять полновесное золото писем бумажных
На медяшки бессмысленных смайлов в карманном айфоне?
Я погибну, наверно, от всепоглощающей жажды —
Жажды белых конвертов, щекочущих мягко ладони.

Помнишь, ты мне писал на обертках, клочках и салфетках,
И блестели глаза, и ресницы дрожали от смеха...
И записки твои, будто лучшие в мире таблетки,
Запивались потом поцелуем, залогом успеха.

Не боялась разлуки, когда мы с тобой расставались,
Ожидала посланий, наполненных чувством и страстью.
А когда оставалась от счастья лишь самая малость,
Почтальон приносил по утрам долгожданное счастье.

Ах, почтовый мой бог! Изю всех бестолковых молений
Я прочту тебе лучшее тысячу раз! Но послушай:
Ничего не хочу, только это письмо на коленях,
Что читать не могу — раскрывая, отчаянно трушу.

Что-то в мире не так, если письма себя исчерпали.
Или нас выметают из мира, как сор из архива?

Где же мой почтальон? Он придет, как случилось, едва ли.
Настоящие письма... Как все-таки это красиво.

МОЙ ГОРОД

Блаженство — кружиться над городом зимним,
Нырять под мосты, трогать шпилей колючки...
Мой город вечерний, неоновое синий,
То слякоть накинешь, то снежную тучку.

Ты в сумерках тайно течешь за пределы,
Стремишься в поля, нарушаешь границы.
А звезды, целуя тебя то и дело,
Гадают, в которую можешь влюбиться.

Проспектов широких наглажены стрелки,
Чуть слышно плывут колокольные звоны...
А в парках нахальные серые белки
Следят за прохожими с елок зеленых.

И в нитях тугих полотна городского
Ищу узелок, что другим незаметен.
Мой дом — притяженье земли и основа,
Гнездо и защита, и крепкие сети.

ОДИН ДЕНЬ В АВГУСТЕ

Громко звали кого-то на том берегу,
Кто-то весело пел и кричал на бегу;
Солнце целилось в воду горячим лучом,
Над водой эхо теннисным мчалось мячом,
И стремглав рыбы спинки мелькали, легки,
Огибая торчащие вверх поплавки.
Эхо брызнуло мелким дождем бирюзы
И застряло меж крыл голубой стрекозы.

Стрекоза обживала свой маленький рай,
Ухватившись за жизни коротенькой край.
Сжала лапками эхо и взмыла легко,
В камыши отнесла, там, где дно глубоко,
Бросив в воду, опять замерла в полусне...
Эхо слабо плеснуло и скрылось на дне.

Стало тихо.
Спокойно.
Минуты текли,
Чередой набегая на кромку земли,
Мы сидели, от счастья почти не дыша...
Глубоко-глубоко, где гнездится душа,
Трепетало в истоках начало начал.
Тот, кто создал весь мир, нас за что-то прощал.
Колебал мирозданье смычок золотой,
По струне-невидимке вода над водой...

Что нам жизнь, если мы до краев ей полны!
В ней ни горя, ни зла, ни беды, ни вины.
Сыплем щедро горстями! И воздух, звеня,
Обнимая, целует тебя и меня.

Вот минуты созревшие падают ниц,
Тихо прыгая с кончиков влажных ресниц,
Насыщая вечерней росой песок.
Разве есть в многословье какой-нибудь прок?
Одного слова хватит. Под неба шатром
Мы ненужные звуки, как пятна, сотрем.

Предвечерняя легкая, зыбкая тень
В этот знойный, чарующий, медленный день;
Паутинка-мелодия, звон чистоты —
Это будто ко мне прикасаешься ты.
Из неведомо даже какой вышины,
Где далекие птицы почти не видны,
Льется песня про дни, что уйдут в никуда;
И про этот, где сонно бормочет вода,
Где за что-то подарен нам маленький шанс —
Ощутить невозможное здесь и сейчас.

Иван Дацкевич

(дер. Ракитница Жабинковского р-на
Брестской обл., Белоруссия)

Родился в 1938 году в дер. Сады Семятичского района Белостокской области (теперь — территория Польши). Учился в Перми, работал — в речном судоходстве — на реке Каме. В 1989 году вернулся на родину матери, в Жабинковский район. Печатался в периодической печати, журналах, альманахах, коллективных сборниках. С июня 2001 года — член РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Автор нескольких книг поэзии.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ АИСТЫ

Возвращаются птицы в родные края,
Возвращаются люди, судьбою гонимые.
Возвращаются многие, только я, только я —
Все вдали от тебя, Беларусь моя милая.

Не забыть никогда сердцу памятных мест,
Край, где первые светлые слезы уронены.
И спешу я к истокам, под город свой Брест,
На ту землю, где предки мои похоронены.

Теплый солнечный ветер мне гладит лицо.
Луг зеленый ласкает мне ноги травинками.
Я, склонившись, стою над рекой Мухавцом,
Словно в детство свое возвратился с повинною.

Здравствуй, здравствуй, родная моя сторона!
Здравствуй, хутор лесной, ныне всеми заброшенный!
Нет вины у меня, виновата война,
Что вернулся в свой край я — незванный, непрощенный.

Нет за мною беды, нет за мною вины.
Нас таких миллион, не один я особенный.
На ударные стройки российской земли
После страшной войны посылала нас Родина.

Годы лучшие отдал я уральским краям.
И трудился, как мог. В чем же нынче мне каяться?

Улетел я подранком к чужим берегам —
Возвратился теперь белым раненым аистом...

ВЕСЕННЯЯ НОЧЕНЬКА

Здравствуй, весенняя ноченька!
Здравствуй, мой друг соловей!
Спать мне сегодня не хочется —
Песней мне душу согрей.
Но о любви не насвистывай:
Пуст и печален мой дом.
Лунные струи лучистые
Сад озарили кругом.
Мне твои песни любовные
Душу тревожат всю ночь.
Сердцу, в любви непритворному,
Вряд ли ты сможешь помочь.
В ночи, такие же лунные,
В юные годы мои —
Пели мне песни безумные
В майском саду соловьи.
Жизнь мне досталась нелегкая,
Горек любви моей мед...
Может, душа одинокая
Где-то меня еще ждет.
Так же как я, может, вдовушка
Где-то не спит при луне.
Ты полети к ней, соловушка,
Песню ей спой обо мне.
Спой, как светла эта ноченька —
В ярком разливе луны,
Как нелегко в одиночестве
Слушать мне песни весны...

Михаил Баранчик
(г. Минск, Белоруссия)

НЁМАНСКИЙ ЦИКЛ

Родился в городе Лида в 1961 году — но с 1980 проживает в Минске. Регулярно пишет стихи примерно с 2009 года; с того же времени публикуется в периодической печати. В 2013 вышел совместный с питерским автором Татьяной Багаевой сборник стихов «Джаз для двоих», в 2016 — сборник «Мои стихи — лишь письма в никуда». Финалист международного литературного форума «Славянская лира-2016». Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

Вот уже третий год мы с приятелем в августе сплаваемся на лодке по Нёману. Люди из таких путешествий привозят рыбу, грибы... Фотографиш. Я это тоже привожу. Но, главное,— привожу со сплава стихи.

* * *

Не скажу, что путями Господними —
Но бродил по земле я впотьмах.
Проходными все, да подворотнями.
Все как-будто не дома — в гостях.

И, казалось,— податься мне некуда.
Только вот не о том разговор.
Мало места на суше, мне в реку бы —
Там с судьбою закончу я спор.

Сорок бед пусть стоят под воротами —
Не беда, подождут до среды.
Обходными путями, болотами
Доберусь я до чистой воды.

В голове есть немало бредового —
Но на счастье настроен компАс.
Мы стартуем из Спаса Медового —
И плывем прямо в Яблочный Спас.

Мимо счастья по суше проехал я —
Так к нему доплыву по воде.
И встает за кормой Спас Ореховый,
И ведет мое счастье в узде.

Я б отдался страстям необузданным —
Все же счастье сегодня в гостях...
Но на кой оно надо мне, взнузданным?
Я его не беру по частям.

Я его не беру подаянием,
Но, коль надо,— и силой возьму...
В день осеннего солнцестояния
Я к нему, вопреки всем желаниям,
Доползу, долечу, доплыву...

* * *

Лучом в воде играет лето
На перекатах.
А мы плывем среди рассветов,
Среди закатов.

Встаем мы в пять, ложимся в восемь —
Самим так странно.
Плывем себе из лета в осень
Среди туманов.

Мы не считаем километры,
Не ждем ненастья.
Плывем себе навстречу ветру,
Навстречу счастью.

Река на солнце вся искрится
Почти беспечно.
И верить хочется, что длиться
Так будет вечно.

**ДРУГУ ВОЛОДЕ,
СТОЙКО ДЕЛИВШЕМУ СО МНОЙ
ВСЕ РАДОСТИ СПЛАВА**

Река еще покрыта сонной негой,
И спят леса, ночным дождем умыты.
А мы с тобой плывем навстречу небу —
Романтики, корсары ли, пииты.

Вот солнца диск — как-будто в рай оконце,
А мачты сосен — как колонны храма.
И мы вдвоем плывем навстречу солнцу —
Отчаянны, неистовы, упрямы.

Под мерный плеск воды у перекатов
Плывем с тобой вдвоем навстречу лету,
И спим на покрывале из закатов,
Укрывшись одеялом из рассветов.

Еще не скоро наш наступит вечер —
Ведь наша юность бродит здесь незримо.
А мы плывем с тобой судьбе навстречу —
Бродяги ли, пираты, пилигримы...

НОЧЬ НА НЁМАНЕ

Ночь опустилась, как большая глыба,
И дремлет лес в объятьях тишины.
Лишь слышно как в реке гуляет рыба,
А на реке — дорожка от луны.

Ночь опустилась, как большая птица.
Ее объятья вовсе не грубы.
А тишина все длится, длится, длится —
Лишь слышно, как в лесу растут грибы.

Ночь наступила. Как-то в одночасье
В себя вобрав все звуки до конца.
Лишь слышно как в лесу гуляет счастье —
И им переполняются сердца.

НЁМАН. УТРО

Туман клубится белым молоком —
Не разглядеть в тумане берегов.
Над лесом солнце желтым мотыльком —
Посланец лета или дар Богов?

Кричит немзыкально козодой,
Трава покрыта жемчугом из рос,
И танец белых цапель над водой
Сменяет танец голубых стрекоз.

Под слоем пепла прячется костер,
И утру гимн поет лесной ручей,
И вяжет лето пестрый свой ковер
Набором спиц из солнечных лучей.

* * *

Где-то в дальней деревне поют петухи,
Предвещая уже недалекий рассвет.
Запах свежих грибов, ароматы ухи,
И луны засыпающей гаснувший свет.

Где-то в дальней деревне поют петухи —
И нечистая сила уносится прочь,
И строка за строкою ложатся стихи,
А печали и беды уносятся в ночь.

Где-то в дальней деревне поют петухи —
Может быть, о моей запропащей судьбе,
И рождаются строчки — просты и легки,
И на крыльях мечты вновь уносят к тебе.

Где-то в дальней деревне поют петухи,
И свободна душа от привычных оков,
Вновь приходит рассвет, отпуская грехи —
Значит, время пришло для любви и стихов.

Где-то в дальней деревне поют петухи —
И рвануть за флажки я как прежде готов.
И сорваться в побег. И заплывать за буйки...
Пять утра. Время первых шальных петухов.

УХОДЯЩЕМУ ЛЕТУ

Это лето еще не ушло — а его уже жаль,
И Река все манит, и зовет, и ночами мне снится.
Но я в темной кладовке закрою тоску и печаль —
Это лето уйдет, но еще много раз повторится.

Снова будут по небу куда-то бежать облака,
Отражаться в реке будет свет от звезды-недотроги.
Я немного грущу — только грусть и светла, и легка.
Год пройдет — и опять поплыву я по звездной дороге.

Год за годом летит. И когда не достанет мне сил,
Когда старость с клюкой замаячит уже на пороге,
Об одном у судьбы я тогда бы еще попросил —
По реке прокатиться по звездам на лунной пироге.

Снова будет туман над рекою клубиться седой,
Вновь я буду бродить по дорожке из лунного света,
Растворяться в тумане и звезды ловить над водой,
И купаться в лучах навсегда уходящего лета.

Сергей Мороз
(г. Гомель, Белоруссия)

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Сергей Мороз родился в городе Гомеле. Соучредитель и член РОО «Беллитсоюз «Полоцкая ветвь». Председатель Гомельского отделения творческого союза. Автор четырех и участник десятка коллективных сборников и альманахов. Автор мюзикла «Рубиновое сердце».

* * *

Л.К.

Всегда по-разному в мой дом
приходит грусть,
Но лучше — вдохновенно и бесслезно.
Весна, но — снег,
за окнами морозно,
Так пусть она со мной побудет.
Пусть.
Вспомню я о том, что
опоздала
Твоя печаль о горечи твоей.
Нет ни перрона, ни того
вокзала,
Ни инеем поддернутых ветвей.
Лишь память о твоём ко мне влеченье:
Цветы, стихи, —
Достойны восхищенья.

* * *

В.Б.

За грубостью мы часто прячем нежность.
А в шутовство — закутаем
печаль.
Слепящая лежит на сердце
снежность,
Палящая накинута вуаль.
И даже зная, где твои дороги,
У перекрестков я тебя не жду.

Я шел к тебе в такт ритма
вальса Доги * .
По тонкому, крошащемуся льду.

Я долго зяб. Мне и сейчас не жарко.
Сады пьянят, а чудится
метель.
Пусть будет нежный поцелуй
подарком
И белая не тронута
постель.

GOOD BAY

Тебе дарю все эти краски мая.
Цвети, как май, но маяться не смей.
И малое усилие прилагая,
Ты горную вершину одолей.

Будь жизнью пьян и не пьяней в застолье,
Не потеряй рассудок — это боль.
Не увлекайся не своею ролью —
Реалии попутаешь и роль.

Шальной любви тебе не пожалею.
Там не ходи, где грешной сути край.
На расстояние выстрела спасая,
Благодарю за все тебя.

Good bay.

* Е. Дога — композитор.

Татьяна Дорошко
(г. Мозырь, Белоруссия)

Дорошко Татьяна Михайловна родилась в д. Новые Фаличи, Стародорожского района, Минской области. По профессии — метролог. Работает на Мозырском машиностроительном заводе начальником Центральной лаборатории измерительной техники. Стихи пишет с 9 лет на русском и белорусском языках. Печаталась в местной и республиканской прессе, в учебном пособии для студентов, преподавателей и учителей «Письменницы Беларусі», в коллективных сборниках «Плесь Припяти», «Прыпяцкія хвалі», «Ты, Мазыр — мой Парнас», в буклете «Мазыра прывабная краса» и др. изданиях. В 2003 г. вышел авторский сборник «Сквозь сны и дали». Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», председатель Мозырского отделения союза.

* * *

Это даже страшно — быть пророком,
А поэт, он все-таки пророк.
То боюсь столкнуться с грозным роком,
То ищу я радости у строк.

И когда в душе гнездится буря,
И лавина сбить готова с ног,
Охраняет личная цензура
Или, может, помогает Бог.

* * *

Встает заря из розового ситца
И васильки склонились у колен.
Позвольте, господа, не согласиться,
Что наша жизнь — уныние и тлен.

Всегда светает. После каждой ночи.
Мрак пятится назад, как древний тать.
Коль этот мир построил Вечный Зодчий,
Не может он бессмыслицею стать.

* * *

Глядишь в глаза, а в них немой укор,
И лужи словно мертвая слюда...

Не разгадал, не понял до сих пор
О чем гудят надрывно поезда.

Не разгадал, стараясь упростить,
Свести к одной, увы, банальной цели,
И на ветру связующая нить
Дрожит, как от кружения метели.

Хотя бы просто сосчитал до двух
Перед желаньем высказать обиды...
От озаренья захватило дух,
Как у подножья древней пирамиды.

* * *

Никто не нужен женщине? Никто?
По-моему, ей кто-то все же нужен.
По вечерам она готовит ужин,
Он по утрам ей подает пальто.

Пусть это быт. Со сказкой разделю.
Но как ни разделяй все в жизни вместе.
И снова говорит он ей: «Люблю!»,
Как много лет назад сказал невесте.

И будут внуки. Позже, впереди...
Он улыбнется, тайно радость множа,
И женщина услышит: «Погляди,
Как внучка наша на тебя похожа!»

* * *

Кому суть жизни — вечная борьба,
Кто и на солнце видит только пятна.
Мне быть любимой выпала судьба,
Не миг, а жизнь. Почти невероятно.

Себя не возносила выше всех,
И зависти тупилось злое жало,
Подачек нет, есть истинный успех,
Я планок никогда не занижала.

* * *

И месяц в небе славный, белобрысый...
Так за любовь? Мы голосуем «за»!
И расцветают синие ирисы,
И кажутся весенними глаза.

В который раз нам весело и вьюжно,
Звенит струной невидимая нить...
Хоть жизнь, конечно, усложнять не нужно,
Но все-таки опасней упростить.

* * *

В пересеченьи строгих линий
И вязь зимы, и канитель,
И словно скрипка Паганини
Вновь плачет белая метель.

Все тоньше звук ее и выше,
И белый свет — как белый сон.
И провода под самой крышей
Поют и плачут в унисон.

* * *

Как радостно мне видеть их вдвоем
И слышать по утрам шаги за дверью,
И в сердце растревоженном своем
Искать лазейку к вере и доверью.

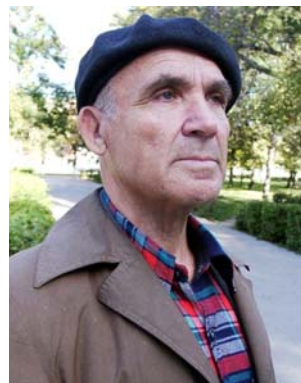
Спасибо, жизнь, ты все-таки добра!
Вчера подслушать довелось мне кстати:
— Ты знаешь, Катя, печь топить пора,
Боюсь, что будет холодно дитяти.

Забыв на миг о прожитых годах,
И что мой сын давно меня повыше,
Смотрю с улыбкой на синиц в садах,
На первую звезду над отчей крышей.

Для них — дитя... И побоку года!
Все лучшее доступно и возможно.
И лишь поют от ветра провода,
А не гудят надрывно и тревожно.

Вадим Борисов
(г. Борисов, Белоруссия)

1935 года рождения. Родом с Южного Урала, а в Беларуси обрел вторую родину. Писал прозу, но всецело отдался поэзии. Печатался в журналах «Западная Двина», «Уральский следопыт», «Польмя», «Немига литературная», «Неман», а также в республиканском альманахе «День поэзии 2005 г.». Автор книг лирики «Болючая звезда», «В непечаль», «В полон миров». Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

ЛЕТУ ВОСЛЕД

Т.Д.

Ветер шумит по траве и деревьям,
листья швыряет в оконце ко мне:
кончилось летечко,
зорькой — не встретит,
едет-поедет на рыжем коне.

Так ли? —
век звездным копытцем тиктакает,
ворох признаний — не увезти:
блага час близенько блазнится —
в злаках.

Поздно поехал. Прости...

* * *

Не с неба гроза.
Я — в стихах, как в грехах,
Грохнулся на колени.
Ха-ха!
Не бойся... То поленница дров
Раскололась меж строк —

Ми
ро
тво
ри
цей.

ВОЗДАСТСЯ ВСЕМ...

В полнеба полыхнет край света,—
с чего бы — пораскинъ умом,
а на лугу воловьем кесарь
терновым травам бьет челом —
и молочаю с медуницей:
в страду — повытянули жил...

Воздастся животу сторицею,
осталось в ножны меч вложить,
а конь — он вынесет...
под Кромы
в наш непокой — согнать жирок.
Не солоно?

(А дома и солома-то едома),
сейчас с секирой бы в лужок:
прошелся по сердцу межой.

* * *

Вся жизнь в стихах,
а я у них в каморке —
на сто десятом этаже.
Сюда б еще
Вселить кого-нибудь.
— Звоните в ЖЭК.

Найдется место и под лестницей,
где светят радужные сны,
и этот угол,
в коем крестятся
ясновельможные паны.

Забились в щель, как тараканы:
усами так и щерятся.
Хореи, ямбы в шляпах, шельмы —
щадят меня покамест.

...Живу, как Бог,—
под облаками!

СФИНКС

Ущербно смотрит чрез века
на камни смердов — в апокалипсис.

Сон пирамид течет в песках
все далее...

Все зрит — и праздного туриста:
не падал ниц...
(Было б чем гордиться).

И как тут ни лукавь,
скажи: где — золото
и в чьих оно руках?

* * *

Речь не о том...
 О чем же другом,
если душа не на месте.
Век пребываем у бестий
под батогом.

В небе еще 3Аоктябрит:
По миру шли, но — с миром,
и надо же было нас одарить
с Марса заброшенным вирусом:
вкрался в компьютер пророком —
на тест
(вам его не угодно ли?)
Что-то опять по Европам окрест
занепогодилось:
сеет и сеет просом снежок.

...с веку — с обрезом за пахою,
с ним веки не смежить,
будет ужо! —
нашим царям и пахарям.

Юрий Мацук
(г. Полоцк, Белоруссия)

Родился в 1957 году в поселке Подкаменная Тунгуска Красноярского края. Окончил Минский радиотехнический институт, факультет радиотехники. Печатался в поэтических сборниках «Полоцкий альбом», «Острова» и др. Член РОО «Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь» с ноября 2003 г.

ТВОЕ МОЛЧАНИЕ

Нет писем —
словно...
крышки пустого
ящика почтового
удар!
Нет писем,
два слова,
и снова —
зима холодна,
как промерзший ангар!

Кончается день,
в вечерениях корчится.
Я подхожу
к почтовому ящику.
Нет писем —
и жить не хочется!
Комкаю вечер
в телезрящину.

Гулом,
жарким потом в работе —
печаль не забыть...
Помогите руки!
И вечером вытащите
в теплой заботе
из почтового ящика
конвертные звуки!

Я НЕ ЗНАЛ...

Холодно без сердца сердцу,
Жарко мыслям и словам...
Я искал тебя по детству,
По дождям и по глазам.

По зеленым лукоморьям,
По весенним вечерам.
Я искал тебя по горю
И по счастью, по делам...

А нашел тебя у края,
У последнего верстка.
Я не знал, что двери рая
Можно лишь толкнуть слегка...

Можно только оглянуться
На прошедшие шаги...
Невозможность разминуться —
Непристойности сродни!

Передвинуты основы,
Рассекречены следы
Мы с тобой как две обновы
Друг у друга, и... седы...

ПЕРЕВЕРНУТОЕ ВРЕМЯ

В капельке
зимнего дождя
на твоих губах
перевернутое время
ищет опору...
и я внезапно понимаю,
что вдыхаю свежесть
еще не наступившей весны,
целую твои руки,
увязая в лунном свете своих грез.
Где-то
в беспорядочно смешанных
сценариях наших жизней
любовь позволила мне
пересечь границу настоящего...
И ты в полушаге,
еще не знаешь
распределения ролей — близких и знакомых.
Но, увы...
я не смею воспользоваться
этим знанием

миллионов путей, ведущих к тебе.
И потому
жду тебя у пограничного перехода,
нашего с тобой,
настоящего...

ВНЕ РАСПИСАНИЯ...

Я улетаю навсегда...
У входа звезд холодный блеск,
Друзей кольцо
И сонный плеск —
Негромких слов бежит вода.
Я улетаю навсегда?..
Минуту! Я спрошу у лет.
Пусть злых ночей войдет палач
Вручить мне проездной билет
В один конец — под смех или плач.
Сейчас объявят тишину...
Мой рейс в забытую весну
Перенесут на жизнь вперед,
А в этой — у перрона ждет
Совсем другая канитель...
И желтой осени метель,
Тревог шальные холода —
Я улетаю навсегда!..

Татьяна Доронина
(г. Минск, Белоруссия)

Родилась в г. Бобруйске, закончила Белорусский государственный университет культуры и искусств по специальности «режиссер театра, преподаватель». Поэзией начала увлекаться с 9 лет, печаталась в бобруйских газетах «Швейник», «Бабруйское жыцце», изданиях от литературного объединения «Вясна», входила в состав редакции нижегородского литературного портала «Литкульт», в том числе в качестве главного редактора. На данный момент занимается воспитанием двоих детей, а также преподает актерское мастерство в детской театральной студии. Помимо поэзии и театра занимается психологией и музыкой. С 2016 года член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

ПОТОМКУ

Сиротливо глядит в зеркала чердак.
Отражения в них тишиной украдены,
их завешало плотно седыми прядями,
паутиной опутало каждый шаг.
Память высохла, словно цветы в тетради.
...Расплываются ряби воды и платья,
И кудрявые волны, как мама, глядят
любопытного малыша...

Силой времени хрупкий момент спрессован.
Черно-белое фото, смешавшись с сором,
покрываясь узором из пыли матовой,
приютилось в стихах Ахматовой.
В ветхом томе тайник: посреди листов
след кофейный от кружки кружком оракульным,
и страничный загиб, как корма кораблика,
так и ждет, чтобы выплеснуться на стол —
с предсказанием гибели той эпохи,
когда память блюли рукописные строки.
Но чердак онемел и застыл упреком
для грядущего — лет на сто...

Разбегаются волны тетрадной глади,
Ты их трогаешь вскользь, любопытства ради...
И находишь нас там, в тишине затерянных,
Воскрешая фамильное дерево.

Дмитрий Юртаев
(г. Минск, Белоруссия)

Поэт, прозаик, переводчик, публицист, художник, актер. Член Международного союза писателей «Новый Современник», Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». С 2004 года печатается в сборниках, альманахах и журналах России, Белоруссии, Украины, Израиля, Канады. На протяжении многих лет участник, лауреат, призер и победитель различных международных литературных фестивалей, конкурсов и премий.

* * *

Я не желаю ничего взамен.
Открыты двери — заходи и властвуй!
Душа моя котенком у колен
Свернется, очарованная лаской.

Я не умею долго помнить зло
И отвечать на выпад резким хуком,
Быть может, просто мне не повезло
И «зуб за зуб» не стало мне наукой.

Я не стараюсь изменить судьбу,
Моля прощенья за свои поступки,
Но от ответа точно не бегу,
Надув в обиде пухленькие губки.

Терплю жестокость, не корю нужду
Пока живет во мне добросердечность.
Устав от дел, когда-нибудь сойду
На полустанке под названьем Вечность...

Я не желаю ничего взамен.
Открыты двери — заходи и властвуй!
Душа моя котенком у колен
Свернется, очарованная лаской...

ОКТЯБРЕЕТ...

Вот и стало темнеть в восемь.
В строчку рифмой скользнет осень.

В небе включит фонарь вечер.
Октябрееет, и крыть нечем.

Смоет поздним дождем возраст —
Свет прозрачен и чист образ.
Надышавшись листвою пряной,
Октябрееет душа спьяна.

Ветер с крыши ворон снимет.
Хлопнет рама. Сквозняк сильный
Холод в двери сырой пустит.
Октябрееет — глагол грусти.

Мимо стрелок часов вечных,
Направляясь Путем Млечным,
Вдруг мелькнет тень зимы странной.
Октябрееет...
Еще рано.

УТРО

Утро вино темно-алого зарева,
Щурясь, прольет в шелку шторы окна,
Тронет снежок паутинкою шалевою
Лик хмурых улиц от долгого сна.

Твой легкий сон притягательно сладостен,
Губы мои тихо шепчут, любя:
Мне нет на свете желанной из радостей
Больше, чем просто смотреть на тебя.

Простыни снег наготовою заполненный.
Не шелохнись, я люблюсь тобой
И не хочу, красотою исполненный,
Больше менять этот миг на другой.

Тела абрис солнца лучики первые
Нежно ласкают, храня твой покой.
В жизни моей нет подарка, наверное,
Больше, чем просто быть рядом с тобой...

